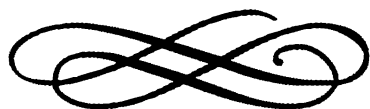
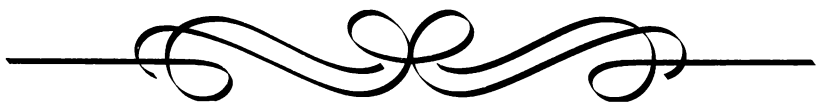

Глава XI

Введение опричнины

Согласно летописной записи, 3 декабря 1564 года Иван выехал в Коломну, чтобы 6-го числа отпраздновать там день св. Николая. В сопровождении царицы Марии и сыновей он направлялся в свой дворец в Коломенском. Судя по летописи и по рассказам двух ливонских дворян, Иоганна Таубе и Элерта Крузе, попавших в русский плен и затем поступивших на русскую службу, перед отъездом из Москвы царь приказал забрать из церквей и монастырей множество икон, крестов, драгоценных камней и посуды, расшитых одеяний и монет и вообще все ценности. Он также собрал церковную утварь монастырей и церквей, находившихся в окрестностях Москвы. Все это следовало погрузить в Кремле на возы и сани¹.

Затем Иван *«по свойственной ему подозрительности либо по дьявольскому наваждению и тиранскому своему обыковению»* издал воззвание, в котором всем духовным и светским чинам сообщалось следующее: *«Он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству, посему решил он вызвать их к себе и передать им свое правление»*. Затем в присутствии представителей всех чинов он сложил с себя царскую корону, жезл и царское облачение².

После этого царь велел всем церковным и гражданским чинам соб-

раться на богослужение, совершаемое митрополитом Афанасием, в то время как его слуги вывозили на площадь и нагружали для него сани. По окончании службы царь вышел из церкви, и одновременно появилась царица с двумя сыновьями в дорожных одеждах. На прощание царь подал руку и благословил всех высших иерархов церкви и главных бояр, в том числе князя Ивана Бельского и князя Ивана Мстиславского, которые там были, как и всех чиновников, военачальников и многих купцов.

Затем царь сел в сани, посадив сыновей по обеим сторонам, и отбыл в Коломенское в компании многих знатных бояр, таких, как Алексей Басманов, князь Афанасий Вяземский, и других. Он приказал также ряду бояр, придворных и чиновников сопровождать его с женами и с детьми вместе с отрядом отборных военных слуг в полном вооружении, включая лошадей и всадников. Московская публика была несколько удивлена как размерами и пышностью процессии, так и численностью свиты. Речь шла явно не об обычном паломничестве³.

Из-за плохой погоды царь был вынужден пробыть в Коломне около двух недель, а затем отправился в Троицкий монастырь, куда прибыл 21 декабря. Затем он перебрался в Александровскую слободу. Это имение, временами использовавшееся Василием III, стало излюбленным местом пребывания Ивана вне Москвы, куда он ездил охотиться. В течение лета 1564 года царь занимался ее укреплением и накоплением припасов. Сюда была вывезена царица с детьми во время крымского набега на Рязань в октябре 1564 года. Слобода находилась на полпути между Троицким монастырем и Переславлем-Залесским и была окружена владениями высшей русской аристократии, в основном князей Суздальских (в том числе из клана Шуйских); другие семьи, как княжеские, так и боярские, также стремились обзавестись имениями поблизости от любимой царской резиденции. Бояре, оставшиеся в Москве, пребывали в замешательстве, как и простой народ, не понимавший, что происходит. Иван тем временем послал за боярами и воеводами, которым доверял настолько, чтобы оставить у себя на службе, а тех, кто следовал за ним, по его мнению, с неохотой, он раздел донага и отправил по снегу обратно в Москву⁴.

Только 3 января 1565 года в Москву поступило формальное извещение о намерениях Ивана, которое было адресовано митрополиту Афанасию и тем самым указывало на нежелание царя признавать сущест-

вующее в России правительство, то есть Боярскую думу. Еще не доехав до Александровской слободы, Иван написал митрополиту и чинам, что *«поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его»*.

Поступок Ивана можно принять за отречение, но у него не было такого намерения. В конце концов, как православный царь всея Руси, он нес перед Богом ответственность за телесное и духовное благополучие своего народа. Он готовился к схватке с боярской аристократией, которая осталась в Москве вместе с его двоюродным братом князем Владимиром Старицким, причем исход этой схватки был предрешен, потому что все козыри были у Ивана, а ставкой была судьба России. Либо царь получал полную свободу наказывать за измену по своему усмотрению, без оглядки на традиционные для России обычные правовые процедуры и на укорененную в веках привилегию заступничества церкви, либо страна будет обречена плыть по течению без руля и без ветрил в окружении врагов. Бояре должны были отказаться от тех уловок, освященных временем и обычаем, которые позволяли им расстраивать планы царя, в противном случае им предстояло вступить в войну с их законным государем, которого поддерживало войско и москвичи.

Послания, поступившие в Москву 3 января, были адресованы митрополиту⁵ и народу Москвы⁶. Иван объявил о своем недовольстве руководителями церкви, боярами, служилой знатью и гражданскими чиновниками, которые участвовали в изменнических действиях и расхищали царское имущество, еще когда Иван был ребенком. По мнению Ивана, вина церковников заключалась в том, что они пытались защищать от справедливой кары тех, кого царь осудил⁷. Бояр и видных придворных царь обвинял главным образом в измене, что означало предполагаемую поддержку других представителей династии Рюриковичей, в первую очередь Владимира Старицкого, в качестве преемников или даже соперников Ивана на троне. Это могло быть также бегство или намерение бежать в Литву, любые контакты с членами литовских посольств в Москве, которые могли вызывать подозрение; помощь тем, кого царь собирается признать виновным и казнить, в виде коллективных поручительств; расхождение с царем по вопросам внешней политики, в частности критика решения начать войну в Ливонии вместо того чтобы сосредоточить все русские силы против Крымского ханства; проигрыш

битвы, который мог объясняться только изменой, трусостью, нерадивостью или спорами из-за мест. О своих намерениях царь сообщал в посланиях, где он «налагает» свой гнев на митрополита, епископов и архимандритов и опалу на бояр, придворных, думских секретарей (детей боярских) и всех чиновников низшего ранга⁸.

Послание к боярам (вероятно, довольно пространное — по природе Иван IV отличался словоохотливостью) было зачитано им в митрополичьих палатах в Москве. В частности, Иван обвинял бояр в расточении его казны, присвоении имений и раздаче их родне, в нежелании защищать православных от врагов — крымцев, литовцев и немцев (ливонцев) и в уклонении от службы. А когда царь пытался наказать некоторых из этих предателей, церковные иерархи, бояре и другие чины дружно за них заступались. Не имея возможности править в таких условиях и не желая терпеть крамолы, Иван объявлял, что вынужден с сердечной печалью покинуть свое царство и отправиться куда Бог пошлет⁹.

Еще Иван обратился с просьбой о поддержке к жителям Москвы в особом послании, которое было прочитано перед теми, кто попал в Кремль. В нем он противопоставляет верхи и низы. Он заверяет простой народ в том, что не гневается на него и не держит зла, чего нельзя сказать о его отношении к боярам и приказным. Исключение горожан из числа опальных при одновременных публичных нападках на себялюбивых крамольных бояр служило, несомненно, для возбуждения народного негодования и, вероятно, заставляло бояр опасаться социальных волнений. Тем временем простой народ, опасавшийся утратить царское покровительство и быть отданным на милость боярам, просил митрополита и церковный собор бить челом государю, *«чтобы над ними милость показал, государства не оставлял, их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял, а хто будет государских лихогеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят»*. *«Ныне х кому прибегнем и кто нас помилует и кто нас избавит от нахожения иноплеменных? Како могут быть овцы без пастыря? ... И нам как быти без государя ... А хто будет государские лихогееи, которые изменные дела делали, и в тех ведает бог, и он государь, и в животе и в казни его государская воля»*¹⁰.

Иван позаботился о том, чтобы его сопровождали не только вооруженные слуги, но и достаточное число должностных лиц, которые могли бы составить его двор или администрацию в Александровской

слободе, в то время как московские органы управления оставались без власти и ресурсов. Бояре, приказные и служилая знать согласно рассказу летописи (вне всякого сомнения, одобренному самим Иваном) были в отчаянии из-за утраты царского заступничества против врагов.

Аристократия была настолько застигнута врасплох ходом Ивана, что упустила единственную возможность, которая открывалась перед ней, — принять отречение царя. Правда, в России не существовало традиции правового противостояния власти (она была в ту эпоху вообще очень слабой), договорных отношений между правителем и подданными, и бояре психологически не были готовы к радикальному переходу в формальную оппозицию к царю, защитнику православия, — лишнее доказательство того, что заговорщические идеи против него не могли еще проникнуть в глубокие слои общества. Московские жители находились в сильной зависимости от покровительства царя, своего религиозного вождя в эпоху конфессиональных споров и опасных ересей, покровителя от произвола вельмож. Крайне набожный народ навряд ли поднялся против своего государя в то время, когда он вел борьбу с протестантской и католической ересью на полях сражений в Ливонии и Литве¹¹.

Митрополит с присущей ему мудростью решил оставаться в Москве и править городом, который остался без центральной власти, а в Александровскую слободу отправил своих посланцев, архиепископа Пимена и архимандрита Левкия, с призывом к царю, *«избранному государю истинной апостольской веры»*, не допустить ее помрачения, а тем более гибели. В тот же вечер, 3 января 1565 года, оба иерея тронулись в путь. От имени бояр и от своего собственного имени они хотели просить, чтобы царь отвратил от них свой гнев и опалу, чтобы он оставался у власти и правил по своему усмотрению, будучи волен поступать со злодеями и изменниками как ему угодно и наказывать их, как ему заблагорассудится. Если царю известны имена изменников, он должен назвать их, ибо он вправе наказать их, как пожелает.

Посланцы из Москвы прибыли в Александровскую слободу 5 января 1565 года в сопровождении большой свиты из знати, военных, купцов, горожан и московского простонародья¹². Сначала царь принял духовных лиц, затем бояр, которые были допущены в укрепленный лагерь лишь под стражей. Он допустил к себе только тех, кто был призван, сперва это были священнослужители, просившие его оставить свой

гнев, простить крамольных бояр и *«допустить их пред очи, снять с них опалу и править своей землей, как он пожелает»*. В конце концов, царь внял их увещаниям и позволил ожидавшим снаружи боярам и приказным войти «пред его очи». Простолюдины не были допущены и в дальнейших событиях роли не играли.

Царь провел четкий водораздел между церковью и боярством. Он не собирался советоваться с боярами, но ввиду прошения митрополита, переданного ему двумя духовными лицами, решил вернуться на трон и снова взять земли под свое начало, *«однако как он это сделает и каким образом будет ими править, он сообщит в своих повелениях митрополиту и священникам»*. Бояре и Дума были попросту отставлены в сторону, к тому же царь попытался ослабить их, разделив Думу на две части: некоторых из высших бояр, например, князя И.Д. Бельского, он оставил при себе, а князя И.Ф. Мстиславского отослал в Москву; тем самым возможность их совместных действий была ограничена.

Трудно сказать, обсуждал ли Иван свои планы с боярами, которых он держал чуть ли не в качестве заложников в Александровской слободе, но мнения исследователей о событиях этих дней довольно сомнительны¹³. Есть сообщения, что Иван действительно собирался отречься и передать престол двум своим сыновьям. Согласно Шлихтингу, который мог быть очевидцем происходящего, Иван утверждал, что устал от власти и хочет удалиться в монастырь. Обращаясь к боярам, он говорил: *«Вот мои сыновья, которые по возрасту и способностям годны для правления»*. Он предложил боярам, чтобы они *«не мешали им править, вершить правосудие и водить вас на войну»*. Если бы события приняли нежелательный оборот, сыновья могли обратиться к Ивану за помощью, *«потому что он будет жить недалеко»*; по некоторым сведениям, одновременно Иван составил соответствующее завещание. Единственное сохранившееся завещание Ивана обычно относят к гораздо более позднему времени, 1572 или даже 1579 году, и что еще важнее, в 1565 году его сыновьям было семь и пять лет, так что они вряд ли могли править или командовать ратями¹⁴.

Сам Иван рассказывал о том, что после смерти своего отца, Василия III, бояре намеревались лишить его власти в пользу Александра Горбатого-Шуйского, старшего из суздальских князей Шуйских, род которых восходил к брату Александра Невского, так что они считали себя ближе к трону Рюриковичей, чем потомки Даниила Московско-

го, к которым принадлежал Иван. Шуйский был выдающимся военачальником и богатым человеком, одним из руководителей казанской кампании, он породнился с царской семьей благодаря замужеству его дочери за князем И.Ф. Мстиславским¹⁵. И этих людей, добавлял Иван, он должен был видеть ежедневно.

Условия, на которых Иван согласился вернуться в Москву, были перечислены в указе, который не сохранился, но его содержание изложено в повествовании двух ливонских дворян, Таубе и Крузе¹⁶. По их словам, оно состояло из длинного введения, в котором описывались измены подданных великих князей, начиная с двенадцатого столетия, эпохи Владимира Мономаха; далее Иван высказывал свои требования: он хотел получить право наказывать изменников по своему усмотрению, как и тех, кто отказывал ему в подчинении. Он собирался казнить их и конфисковывать их движимое и недвижимое имущество без каких бы то ни было законных процедур, без приговора или одобрения бояр в Думе и не считаясь с заступничеством церковных иерархов¹⁷. Но у Ивана про запас был еще один сюрприз для народа. Он объявил о своем намерении учредить опричнину, выделив часть земель в своем царстве.

Наверное, немногим было понятно, что имел в виду царь, так как устаревшее понятие опричнины означало удел, которым пожизненно наделялась вдова знатного человека или князя, если остальная часть имения ее мужа делилась между детьми¹⁸.

В своем указе Иван уже называл те части России и Москвы, которые он хотел перевести в свой удел, оставив все прочее, земщину, как и прежде, в управлении бояр. Он позаботился о том, чтобы к нему отошла Александровская слобода, которая была теперь еще лучше укреплена и должна была стать неофициальной резиденцией его нового двора, куда вошла, кроме приличного отряда служилых дворян и их начальников, группа дьяков и младших приказных. Упомянутые дворяне вместе с некоторым количеством чужеземных волонтеров составили корпус личной стражи царя, насчитывавший около тысячи человек. Все слуги Ивана должны были принести клятву верности и обещать *«не есть и не пить»* с членами земщины и не общаться с ними, даже если это их родственники. Трудно сказать, насколько этот запрет соблюдался. Для оплаты своих нововведений Иван обложил всю страну, уже истощенную военными расходами, огромным налогом в 100 000 рублей¹⁹.

Теперь Ивану предстояло осуществить свой опричный план. В начале февраля он подготовил почву для своего возвращения в Москву, приказав казнить князя Александра Горбатого-Шуйского (мнимого претендента на его трон)²⁰ вместе с его семнадцатилетним сыном и тестем.

Из источников неясно, почему князь был обвинен в измене именно в этот момент, но следует упомянуть о том, что ему было адресовано письмо Сильвестра с критикой полководческих качеств Ивана²¹.

Возможно также, что Иван хотел избавиться от выдающегося и почитаемого деятеля, связанного с оплотом знати в Суздале (который был взят царем в опричнину), прежде чем приступить к дальнейшим задуманным им чисткам. Существование (хотя и не содержание) этого единственного из сохранившихся писем к нему священника Сильвестра дает основание предполагать, что Шуйский был сторонником Владимира Старицкого, так как Сильвестр поддерживал последнего во время тяжелой болезни Ивана в 1553 году.

По словам Курбского, отец и сын спорили о том, кому первым положить голову на плаху.

Выиграл отец, и сын поцеловал его отрубленную голову, прежде чем лишиться своей²². На них прервалась старшая ветвь Шуйских, а представители младших в 60-е годы были еще очень молодыми людьми.

12 февраля Иван послал в Троицкий монастырь 200 рублей на поминовение душ Шуйского и его сына; по-видимому, его обуревали противоречивые чувства: династическая ревность, ненависть к сопернику, которому сопутствовал военный успех, и осознание совершенного преступления²³.

Точная дата возвращения Ивана в Москву неизвестна, но известно, что он находился там в середине февраля 1565 года²⁴. Напряжение этих дней полностью изменило его. Ранее его описывали как очень высокого, хорошо сложенного человека, с огромной шапкой волос, длинными усами и бородой, пронизательными светлыми глазами и римским носом. В это время у него выпали все волосы на голове и с бороды (потом они отросли), глаза потускнели, черты были отмечены мрачной свирепостью²⁵.

Сначала Иван собирался выстроить для себя новый дворец в черте кремлевских стен и выбрал место недавно сгоревших бывших хором Владимира Старицкого, который лишился, таким образом, пристанища

в Кремле. Однако царь передумал и в конце концов занял обширный участок за пределами Кремля в районе Арбата (который принадлежал его шурину Михаилу Черкасскому²⁶), где были выстроены укрепленные палаты для царского двора, изолированного от земщины. Все обитатели этого квартала, не причисленные к опричнине, были выселены и переведены на жительство в другие места. Простолюдинов это не коснулось.

Особый опричный двор за территорией Кремля был огромным зданием из камня и кирпича, с воротами, покрытыми свинцом*, на которых *«было два ... разрисованных льва — вместо глаз у них были пристроены зеркала ... один лев стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел на опричнину»***. Между львами стоял большой двуглавый орел черного цвета с распростертыми крыльями. На северной стороне находились другие большие ворота*** с железными полосами, покрытыми оловом, а также все домашние постройки (поварни, кладовые, ледяные погреба и подвалы), в которых хранились, несомненно, в большом количестве запасы осетров и стерлядей, мяса**** и дичи. Все строения, не говоря уже о воротах, были деревянными²⁷.

Иван, по-видимому, пребывал в этот период в сильном страхе, коренившемся в глубинах его подсознания, и теперь его внимание обратилось к другим предполагаемым изменникам: 4 февраля был казнен П.П. Головин одновременно с двумя князьями Куракиными и князем И.И. Сухово-Кашниным; один из князей Куракиных был принужден постричься, князь Д.Ф. Шевырев посажен на кол неизвестно за какой проступок, быть может, за попытку бежать в Литву; утверждали, что, сидя на колу, он распевал канон деве Марии²⁸. Имущество опальных было конфисковано²⁹. Последовали другие казни, но больше всего аристократию поразила жестокость их способов, а также истребление целых семейств, включая подростков и даже девочек. Царивший в среде бояр страх лучше всего иллюстрирует случай с одним из князей Оболенских; тот был столь выдающимся воином, что Иван, нуждаясь в его услугах, вынужден был его выпустить, однако никто из князей или бояр не решился поручиться за него, и ему пришлось обратиться к купечеству³⁰.

* В русском переводе Штадена: «жестью».

** В русском переводе: «во двор».

*** Судя по русскому тексту, речь идет об одних и тех же воротах.

**** Мясо в русском тексте не упоминается.

Важнейшей задачей, которая стояла перед Иваном, было установление границ опричнины. Это серьезное предприятие предполагало разделение всей страны, структур управления и вооруженных сил, причем их требовалось разделить в то самое время, когда Иван преследовал важные внешнеполитические цели. Хотя царь, очевидно, обдумывал свою затею заранее, теперь ему предстояло обособить те территории России, которые он решил оставить себе, изгнать из них князей, бояр, помещиков и даже крестьян, а затем поселить на новых землях тех, кого он считал более надежными. Естественно, он выбрал наиболее богатые и экономически развитые области и процветающие торговые города с рынками и торговыми путями, хотя и необязательно с самыми плодородными угодьями (см. карту на с. 233). Однако оборона от внешних врагов и защита укреплений были поручены земщине³¹.

Зона, в которой было разрешено работать английской Московской компании, также была взята в опричнину, как и подавляющая часть зажиточной Северной Руси, в том числе столица солеварения Старая Русса. Сюда были причислены центральные области России, густо усеянные служилыми имениями: Вязьма, Можайск, Суздаль³². Последний, к примеру, потерял 80 процентов своих дворян, но стоял во главе Иванова списка неблагонадежных провинций как центр могущественного, богатого, хотя и немногочисленного клана Шуйских. В то время как многие из князей Суздальских в первый период царствования Ивана служили в Думе, в период опричнины там не осталось ни одного из них, и этот влиятельный род лишился вождей.

В опричное войско вошел ряд князей и служилых дворян из высших представителей прежних военных слуг при дворе, которые были переведены Иваном в Александровскую слободу, а второй, более многочисленный контингент провинциальной служилой знати, был набран в городах, причисленных Иваном к своему уделу. За проведение этой операции, которая предусматривала подробное изучение родословной, взглядов, биографий, связей, браков и привязанностей потенциальных рекрутов, общую ответственность несли Алексей Басманов и князь А.Д. Вяземский. Классовый состав завербованных в корпус опричников послужил для историков доказательством мнимых намерений Ивана ограничить влияние князей и бояр в пользу лиц более низкого происхождения. Все главные критики опричнины, выразившие свои взгляды в письменном виде (князь Курбский, дворяне Таубе и Крузе и немец-

кий наемник Штаден), зачастую описывают новобранцев вооруженной стражи и особого войска как выходцев из низов и даже из крестьян; они получали наделы размером от пятидесяти до шестидесяти *хакенов* * (ливонская мера площади) и более. Это справедливо в отношении первого периода опричнины, когда Иван проявлял особую враждебность к высшим боярам и князьям и привлекал в свою Ближнюю думу менее знатных лиц. Но в начале 1570-х годов тенденция поменялась, и князья снова заполнили ее³³. Опричники должны были приносить следующую присягу: *«Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать обо всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя или великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест»*³⁴.

Чтобы подчеркнуть свою полную обособленность от остального народа, опричники носили специальную униформу из грубой ткани черного цвета, которую надевали на свои богатые одежды, прикрепляли к уздечкам лошадей собачьи головы, а к кнутовищам — метлы. Это означало, что они должны сначала облаивать** и кусать врагов царя, а затем выметать их из страны³⁵.

Два ливонца не жалеют красок, описывая ужасы, которым Иван подверг русский народ ради осуществления своих замыслов. Опричный режим, вначале установленный на относительно небольшой территории, распространился вглубь и вширь, охватив значительные площади, при этом он становился все более деспотичным, жестоким и бесчеловечным. В 1565 году к нему были приписаны Ростов, Белоозеро и Вологда; знатные люди были изгнаны из своих вотчин и, отправляясь на новое место, должны были оставить даже движимое имущество; их жены и дети следовали за ними пешком. В 1566 году было очищено еще восемь уездов в Центральной России, где насчитывалось примерно 12 000 бояр и помещиков; из них только 570 были приняты в опричники; в ходе выселения в разгар зимы некоторым знатым боярыням пришлось рожать посреди снегов. Крестьяне, которые пытались оказывать им помощь, подвергались немедленной казни. Погибшие

* В русском переводе Таубе и Крузе: «*гаков*» (от нем. *Haeken* — соха, окладная единица, в среднем 8 — 12 га посевной площади (БСЭ)).

** В русском тексте источника этого слова нет.

оставались непогребенными и становились добычей собак, пернатых падальщиков и диких животных. Те, кто раньше был богат, стали нищими, а их бывшие слуги, у которых прежде не было ничего, были посажены на их земли и получали столько, сколько хватило бы на десять таких. И случилось так, заключают два ливонских дворянина, как поется в старой песне: *«Где правит мужичье, редко бывает хорошее управление»*³⁶. Сам Иван чувствовал, что его новые товарищи слишком низкого происхождения³⁷.

В это время в распоряжении царя было достаточно земли. Кроме конфискованных имений, в наличии были большие площади на завоеванной казанской территории. Опричная гвардия Ивана получала землю несколькими способами: путем присоединения к уже имеющейся в определенной провинции имений изгнанных помещиков или при переводе в провинции, откуда выгонялись бывшие владельцы. Кроме того, по всей стране насчитывалось много хозяев родовых земель (вотчин), которых в случае необходимости также переселяли. Если последние поступали в опричину, за ними сохранялись родовые имения в земщине, к которым прибавлялись новые поместья. Масштабы передела варьировались от уезда к уезду в зависимости от количества и размеров вотчинных владений и числа записанных в опричину. Привилегированное положение опричников позволяло им осуществлять переселения со всей жестокостью, на которую был способен каждый из них, и были даже такие члены земщины, которые наряжались опричниками, чтобы под видом последних безнаказанно расправляться со своими собратьями.

Введение опричины сопровождалось настоящим разгулом арестов и убийств, в которых трудно усмотреть определенный политический смысл. Временами кажется, что Иван выбирал тех, кто в 1553 году не поторопился признать его сына Дмитрия; иногда похоже на то, что его удары были направлены против тех, кто участвовал в 1563 году в мнимом заговоре Владимира Старицкого; иной раз думается, что репрессии были направлены против более давних врагов, членов обширного клана Оболенских (как и Шуйских), чьи злоупотребления в эпоху царева детства не были забыты; их пренебрежение к статусу великого князя не было прощено. Сперва больше других пострадали князья Суздальские; многие из них уже достигли боярского чина. В течение 1565 года немало (хотя и не все) из представителей куда более многочисленных и менее

знатных семей князей Ярославских, Ростовских и Стародубских были лишены своих земель и сосланы в Казань вместе с рядом нетитулованных бояр и множеством служилой знати³⁸.

По подсчетам, в Казань было выслано от шестисот до семисот человек, включая их жен и детей; они лишились всего имущества и должны были продолжать службу, получая средства от новых, иногда очень маленьких наделов, часто занятых местными владельцами. Эти земли в недавно завоеванных казанских областях передавались переселенцам взамен их прежних поместий, для того чтобы упрочить русское присутствие на этих территориях³⁹.

Иван, безусловно, преследовал цель разрушить местные связи, соединяющие князей или бояр с их «народом»; народ при этом часто просто прощался с жизнью, как в случае с П.И. Горенским, пятьдесят слуг которого были повешены вместе с ним⁴⁰. Князь Семен Лобанов-Ростовский, попавший в опалу в 1554 году⁴¹ и брошенный в тюрьму за попытку бежать в Литву, был отпущен и вернулся на службу. В 1565 году он служил воеводой в Нижнем Новгороде и был арестован опричниками вместе со свитой в сорок человек. По дороге в Москву опричники убили его, тело бросили под лед, а отрезанную голову доставили Ивану в мешке. Царь якобы обратился к ней с такими словами: *«Ох, голова, голова, сколько крови в свое время ты пролила!»*⁴². Участь Горенского и Ростовского стала предупреждением для тех, кто задумал бежать в Литву. Много других бояр было сослано или арестовано часто за их связи с опальными князьями. В.В. Морозов, похоронивший слугу Курбского, Шибанова, был заключен в тюрьму вместе с членами своей семьи. Оставшиеся в живых родственники и близкие Алексея Адашева были взяты под стражу. Общественное мнение, если допустимо употребить это словосочетание, было потрясено не только избиением представителей элиты, но и казнями невиновных членов их семей и сторонников.

Одновременно с организацией опричнины Иван занимался укреплением Александровской слободы, которая явилась главным местом, где он чувствовал себя в безопасности. Постепенно она разрасталась, становясь небольшим городом с многочисленными живописными церквями, домами, камнетесными мастерскими, а затем и тюрьмами и пыточными застенками. Церковь Богоматери сверкала всеми цветами, золотом и серебром, и на каждом ее кирпиче был изображен знак креста. Сам Иван

жил в просторных палатах, окруженных валами и рвом, а его воины с командирами находились в специально выстроенных казармах. Никто не мог войти или выйти без ведома царя⁴³.

Иван нигде не упоминает о том, почему он ввел опричнину, и о том, чего он добивался с ее помощью. Русские и советские историки, в свою очередь, непрестанно старались «реконструировать» его намерения и главное, то, что часто называют его «реформами», хотя, если взять сегодняшнее значение этого слова, реформы предполагают усовершенствование того, что было раньше. Об эффективности того или иного учреждения можно судить, соотнося ее с его заявленной целью, особенно если речь идет об учреждении, произвольно созданном волевым решением, а не развивавшемся в протяжении длительного времени. Но поскольку историки не представляют, для чего Иван учреждал опричнину, они вынуждены идти от следствий к причинам — весьма ненадежный путь, если учесть к тому же, что источники очень скудны и противоречивы. Проблема интерпретации была еще более запутана разграничением между объективным и субъективным факторами в истории, проводившимся в марксистской науке, и внедрением в исторический анализ. Сознательно избранная Иваном цель, какой бы она ни была, могла вовсе и не совпадать с полученными им результатами. Тем не менее, судя по тому, чего он добился, Иван стремился получить полную свободу действий в любой области, что прекрасно выражается русским словом «воля». Это слово означает полную свободу осуществления любых своих желаний, а не свободу в рамках закона.

Можно также задаться вопросом, откуда у Ивана появилась мысль поднять против одной части своего царства другую часть в лице опричников, которые подобно раковым метастазам производили в политическом организме опустошения, то захватывая города и земли, то грабя и изгоняя жителей. В конце концов, и в других странах короли (Генрих VIII, например) опасались династических претендентов на их престол или слишком влиятельных подданных, которым следовало «подрезать крылья», а также сильной аристократической оппозиции своей политике, подобной оппозиции баронов Иоанну Английскому. Одни страны страдали от феодальной раздробленности или невозможности распространить королевскую власть на всю территорию, другие — от конфликтов между богатой и могущественной аристократией, классом дворян, несущих военную службу, и бедным крестьянством. Иные страны изнывали под

бременем постоянных войн, требовавших все новых ресурсов (людских и экономических), которые нужно было выжимать из населения. Где-то еще к изменениям в способе производства вело развитие хозяйственных сил. Но нигде не было сделано попытки решить эти проблемы путем создания и внедрения идеи раздвоения государства. Многие правители учреждали институты террора, но никто не делил государство на две или даже на три части, чтобы одна из них терзала другую.

Существует мнение о возможном источнике идеи создания особой гвардии опричников в том виде, в каком это было сделано, — царица Мария Темрюковна. Когда она прибыла в Россию, ей было совсем немного лет, и большинство российских авторов, как было сказано выше, полностью отвергают мысль о том, что она могла как-то влиять на Ивана или даже нравиться ему⁴⁴.

Однако она родила ему сына, который прожил недолго, была рядом с ним восемь лет, вероятно, присутствовала на каких-то придворных приемах, поскольку татарки не были приучены к замкнутости, и везде его сопровождала. Летом 1564 года она совершила с Иваном поездку на богомолье в Переславль-Залесский, причем монахи и другие наблюдатели *«были поражены ее скромным поведением, набожностью и способностью разбираться в делах»*⁴⁵.

Впервые мысль о том, что идея опричнины принадлежала Марии, была высказана одним из немецких дворян на военной службе, Генрихом фон Штаденом, который недолго был опричником. Он пишет: *«Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его»*. Согласно Штадену, Иван последовал этому совету *«и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд»*⁴⁶. Брат Марии, князь Михаил Черкасский, который воспитывался при дворе Ивана с 1558 года и чья жена была в родстве с царицей Анастасией, стал одним из предводителей опричников.

Островский, больше других историков настаивавший на значительности монгольского влияния на русские политические учреждения⁴⁷, обнаруживает его в сознательном, как он считает, решении учредить «степное ханство» по образцу Чингисхана и отказаться от византийских порядков в лице православной церкви и Боярской думы в пользу восточного дивана⁴⁸. В русском фольклоре Мария Темрюковна пользует-

ется дурной славой; в песне о кончине Анастасии первая царица предостерегает Ивана от женитьбы на язычнице, а Мария и ее брат Михаил выставлены зачинщиками опричнины⁴⁹.

Татарское влияние может проследиваться по двум направлениям. Одно из них связано с учреждением корпуса опричников, особой стражи, которое Штаден приписывает Марии. Согласно Вернадскому, Чингисхан создал имперскую гвардию в количестве тысячи человек, куда входили лучшие воины и командиры из каждого отряда. *«Гвардия стала краеугольным камнем всей войсковой организации и управления империей Чингисхана»*. У нее были привилегии: рядовые гвардии считались выше рангом, чем любой командир любой войсковой единицы. Они несли службу постоянно и в мирное время использовались в качестве гонцов, послов и управляющих⁵⁰. Вторая сторона монгольского влияния могла заключаться в обособлении удела, которое встречалось и в практике монголов, в частности, применительно к обеспечению вдов.

По меньшей мере один из советских историков, С.М. Каштанов, ставил вопрос о том, было ли исключительно благожелательное обращение Ивана с татарскими князьками осознанной мерой, избранной в силу того, что он доверял им больше (отчасти, быть может, благодаря влиянию жены). Поскольку татарские цари и царевичи (бывшие правители и их сыновья) происходили от Чингисхана или правящих татарских семей и поэтому имели безупречную родословную, они стояли выше, чем ненадежные русские бояре и служилые князья. К тому же у царевичей не было корней в русском обществе и они целиком зависели от милости царя. Они не могли выступать в качестве претендентов на русский престол на равных с Рюриковичами. Этим может объясняться и отношение Ивана к потомкам великого князя Литовского Гедимина, Бельским и Мстиславским, которые пережили все бури и по-прежнему поочередно назначались на ведущие места в Думе, иногда вперемежку с татарскими царевичами. По мнению Каштанова, этим объясняются размеры земельных пожалований, которые получали татарские царевичи, и важность постов, которые они занимали. Михаилу Темрюковичу Черкасскому был дарован фактически традиционный удел со всеми полагающимися привилегиями⁵¹. Более того, на протяжении всей жизни Иван проявлял живой интерес и даже привязанность к татарам из своего окружения и доверял им командные должности в войске.